

2.

Рецепция платонизма

Татьяна Литвин

Нарратив пророчеств в период Сионской Церкви в контексте иудео-христианской эсхатологии*

TATIANA LITVIN

PROPHECY NARRATIVE IN THE ZION CHURCH AGE
IN THE CONTEXT OF JUDEO-CHRISTIAN ESCHATOLOGY

ABSTRACT. The article examines the period of the birth of the Church of Zion in Late Antiquity and the main ideas, thanks to which the prophetic narrative was transformed in the context of eschatology. Three aspects are analyzed to clarify this topic: the formation of the relevant texts of New Testament literature, some of which will then enter the Canon and by the fourth century become the legitimate basis of dogma; the activities of the community and of the church, in particular the Apostolic cathedral, based on confessional and historical sources. The third aspect is the emergence of “Paulinism”, that is, the ideas of the Apostle Paul in the context of his mission of this period, the expansion of missionary activity, the comparison of Paul’s texts with the Revelation of John. The study highlights the reasons for the birth of the universal mission of Christianity and the Hellenization of Judaism, which are significant for the religious mutations of Late Antiquity and are interconnected with other socio-political processes in the Palestinian territory. This article suggests the hypothesis that the narrative is an anthropological pattern or form creating a new Christian perspective on the role of prophets. The study follows the methodology of biblical studies and continues to clarify aspects of the phenomenon of Judeo-Christian eschatology, a more detailed analysis of which has already been undertaken in previous articles.

KEYWORDS: Church of Zion, Apostle Paul, eschatology, prophecy, Revelation of John.

© Т.В. Литвин (Санкт-Петербург). littatiana@gmail.com. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Платоновские исследования / Platonic Investigations 17.2 (2022)

DOI: 10.25985/PI.17.2.04

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-41005.

Период Сионской церкви в контексте данной темы представляет собой период первых двух веков христианства и включает в себя многоплановое и до конца не изученное явление — развитие христианской общины, которая из относительно немногочисленной группы учеников Иисуса Христа превращается во влиятельную церковь. Само название Сионской, или Иерусалимской, церкви связывают не только с ее географическим положением. Вплоть до наших дней Иерусалимская церковь остается преемницей первой «главной» общины и сохраняет свое влияние на палестинских, точнее арабо-христианских миссиях. В период же первой древнейшей общинной организации в контексте данной темы важно подчеркнуть сразу несколько явлений, релевантных созданию и трансляции пророческих нарративов. В первую очередь, это написание новозаветных текстов, в широком смысле христианская литература, часть из которой затем войдет в канон и к четвертому веку станет легитимной основой вероучения. Во-вторых, это сама деятельность общины и церкви, о которой существуют большей частью конфессиональные источники и в первую очередь — Деяния Апостолов, а также связанные с ними евангелия и исторические свидетельства. И третье явление, напрямую связанное с нашей темой, — это так называемый «паулинизм», то есть развитие идей апостола Павла, которые напрямую или косвенно были связаны с объединенными эсхатологическими ожиданиями учеников Иисуса Христа, которые продолжили сохранять свое учение. Все эти три аспекта заслуживают более подробного рассмотрения и довольно масштабны, а потому, по степени релевантности, обратимся к каждому из них. В целом настоящая статья ставит вопрос о том, как именно нарратив пророчеств взаимосвязан с преломлением иудейской эсхатологии в христианскую, выраженную и в виде посланий, и в виде деятельности Павла в тот период. Гипотеза в рамках достижения данной цели состоит в предположении, что этот нарратив представляет собой какую-то антропологическую схему или форму, создавая новый христианский взгляд на роль пророков. Исследование носит биб-

леистический характер и не служит каким-либо конфессиональным целям. Статья продолжает прояснение аспектов феномена иудео-христианской эсхатологии, более подробный анализ которого уже был предпринят в предыдущих статьях¹.

1. Послания и откровения: письма к общинам

Первый феномен — процесс создания и написания новозаветных текстов наиболее изучен с исторической точки зрения. Речь идет как о процессе написания христианской литературы в целом, так и собственно Деяниях Апостолов, евангелиях (в том числе не вошедших позже в канон), апокрифических сочинениях. Они отражали общие настроения ожидания Мессии и служили не только сохранению свидетельств первых учеников, но и толкованию этических основ общинной жизни первых христиан в эллинистическом мире. Внутриконфессиональная точка зрения подчеркивает преимущество канонических текстов, тогда как новейшая библеистика обнаруживает всё большую историческую достоверность в раннехристианских источниках, не вошедших в канон. Примерно со второй половины первого века и до 130–140 гг. писалась основная часть новозаветных текстов, Послания Павла датируют примерно 50-ми годами 1 века н.э., а Откровение Иоанна — после 90-х².

Как литературное явление, происходившее в условиях римского господства и преимущественно на древнегреческом языке (точнее, разговорном — койне), создание новозаветных текстов обладает рядом важных свойств. В частности, большая часть этих текстов были письмами, послания преобладают в новозаветных текстах. Тринадцать посланий Апостола Павла (семь из которых считаются аутентичными) создавались и имели хождения в общинах раньше, чем истории евангелистов (написанные, вероятно, в первые десятилетия 2 века). В другом месте уже шла речь

¹ Литвин 2015; Тантлевский, Литвин 2018.

² Ролофф 2011: 68–69, 212.

об особенностях эсхатологии Павла³, важно отметить на примере Послания к Фессалоникийцам общие черты. Откровение Иоанна также имеет форму письма, близкую в литературном смысле к письмам Павла и представляет собой окружное послание семи общинам Азии. То обстоятельство, что апокалиптика совпадает по времени написания с первыми письмами Павла и что откровение писалось по правилам эпистолярного жанра, уже демонстрирует сразу несколько свойств пророческого нарратива, делая возможным сравнение идей Иоаннова круга с эсхатологией Посланий Павла. В частности, с литературоведческой точки зрения заслуживает внимание подчеркивание авторства этих текстов. Круг Иоанна возник, вероятно, из сиро-палестинских странствующих пророков-миссионеров, со временем полностью, как и Павел, отошедших от иудейской традиции⁴. Также все письма обращены к совершенно определенным общинам, можно сказать, к знакомым адресатам авторов. В этом смысле известная закрытость Иоаннова круга не противоположна какой-либо бесконечной открытости собеседников Павла, скорее она еще более подчеркивает типичную для того времени коммуникацию между учителем и общиной. Откровение было написано Иоанном на острове Патмос, где он оказался, вероятно, в результате конфликта. Иоанн пишет письмо в воскресенье семи церквям, находящемся в Эфесе и к востоку от него. Ю. Ролофф напрямую указывает, что на них лежала печать Павлова богословия⁵.

Но помимо формального сходства, находят еще и то, что вполне могло повлиять на авторитет и Посланий, и Откровения. В обеих письмах усматривается презентистская эсхатология, убежденность в том, что не в будущем, а в настоящем свершится, а возможно, уже свершился приход Мессии, — такая эсхатология явно христоцентрична, вероятно, ни у Павла, ни у других учеников не было сомнений в возвращении именно Иисуса Христа.

³ См. Литвин 2015.

⁴ Ролофф 2011: 198.

⁵ Ролофф 2011: 211.

Какую функцию выполняли пророки в период написания этих писем, насколько она продолжает ветхозаветный смысл пророчеств? Пророческие слова до появления христианства высоко ценились, выражались в форме особого нарратива⁶, хотя и не были чем-либо редким и сакрализированным от народа. Пророк, «наби» как «тот, кто призван богом», «возвещающий», был зачастую таковым в силу собственного, как сейчас бы сказали, чувства призвания. Традиция предсказаний естественным образом сопутствовала возможности толкования, то есть служила частью истории герменевтики, что делало ее зачастую явлением массовой культуры древности. Но особо авторитетные пророки запечатлены в Писании, что видно уже в Книге Судей, на знаменитом примере пророчицы Деворы. Также «сонм» пророков⁷, в целом довольно масштабная история пророческих текстов ярко свидетельствуют о естественности пророчеств для эволюции иудаизма. В целом, в отличие от других литургических практик, институт пророков можно считать вполне демократичной частью религиозной традиции. Как и в других античных культурах, пророки выполняли функцию интерпретации по самым разным духовным и психологическим вопросам, будучи и врачевателями душ, и целителями в буквальном смысле, и советниками.

Так же и в период возникновения новозаветных текстов пророчества были зачастую обычным способом обоснования того или иного события и могли быть синонимом «откровения». В частности, поездки Павла и Варнавы в Иерусалим были организованы общиной по призыву антиохийских пророков (*Деян.* 13:1–3). Собор также созывался по слову пророков. Таким образом, сама деятельность иудео-христианских общин времен Сионской церкви продолжалась вполне в духе иудейских традиций⁸, пока еще не демонстрировавших какой-либо принципиально новый смысл учения, кроме христоцентричности, понимаемой, впрочем, так-

⁶ Айзенштадт 2004: 49–62.

⁷ Рижский 1987: 44–46.

⁸ Frankfurter 1996: 130–131.

же как учение пророка и даже подчеркивающей широкое признание «харизматичных» провидцев⁹.

2. Апостольский собор. Пророчества для язычников?

Второй аспект нашего исследования темы, деятельность христианской общины и церкви, раскрывает, таким образом, вопрос о возможных изменениях в сторону отхода от иудейской традиции. Наблюдались ли они? Возникло ли в результате деятельности какое-либо новое представление о пророческом нарративе? Община в православном лексиконе часто ассоциируется с «назорейской ересью», а между тем именно с нее начинается превращение иудейского закона в христианский, отход от статуса иудейской секты, возникшей в результате синтеза с язычеством. Происхождение общины в христианской традиции связывают именно с сюжетом явления Христа в Иерусалиме его ученикам и указания не покидать Святой Град, ожидая парусию (*Лк.* 24:36–53, *Деян.* 1:4, 8, 12). Таким образом, мессианские ожидания характерны для самого основания общины, которая придерживалась слов Иисуса Христа. Не дождавшись эсхатологических событий или не придав значения необходимости следовать иудейскому закону для осуществления этих ожиданий, община создает возможность признания язычества в переданном ей учении.

Общеизвестны и от этого не менее значимы события на Иерусалимском соборе апостолов (ок. 48–49 г.), о которых известно как от самого Павла (*Гал.* 2:1–10), так и из повествований Луки (*Деян.* 15:2–21)¹⁰. Примечательно, что встреча с апостолами в Иерусалиме описана в Деяниях не совсем так же, как в Послании к Галатам, и именно последний источник говорит о том, что помимо Павла, Петра и Иакова в ней также участвовал Иоанн (*Гал.* 2:9). Предметом обсуждения и беседы было распространение христианской веры язычникам и возможность приобщения их к церкви, то есть возможность обращения новых членов общины, не

⁹ Swete 1905: 204–205.

¹⁰ Лозе 2010: 88–89.

прибегая к необходимым иудейским ритуалам и предоставляя новым братьям статус равных с уже обращенными иудеями. Это обсуждение привело к знаменитому положительному ответу, повлекшему за собой обращение в христианство всё новых необрезанных. Именно в Послании к Галатам сказано, что для этой встречи Павел отправился в Иерусалим «по откровению». Это послание считается аутентичным, то есть оно остается авторским свидетельством самого апостола, а не только наблюдателей, в задачу которых входило запечатлеть происходящее. Заметим, что размышления и дискуссии «со столпами», описанные в обоих источниках, подразумевали сразу несколько разных участников, облеченных как минимум четырьмя разными статусами. Помимо самих «столпов», то есть Петра, Иакова и Иоанна, это также были иудео-христиане из иерусалимской общины, ученики Петра («знаменитейшие»), а также «лжебратья». Последние были недовольны принятием язычников в христианство.

Это знаменитое событие в жизни Павла и всей общины привело к пересмотру всей политики миссионерства, известному как переход к вселенской апостольской миссии. С точки зрения закона, иудейские обычаи были упразднены настолько, насколько это нужно было для общения братьев за одним столом. С точки зрения пророческих нарративов, мы видим по сути последнее событие, которое несет на себе печать «откровения» — в дальнейших новозаветных текстах (евангелиях), а тем более в сочинениях отцов церкви фигура пророка хотя и встречается (Анна, дочь Фануилова в Евангелии от Луки), не получает какого-либо нового развития, оставаясь свидетельством из прошлой, ветхозаветной истории. Что касается сочинений и деятельности самого Павла, о которых важно подробнее сказать в третьем направлении данного исследования, то контекст эсхатологии дает уникальное преломление этой темы. Но прежде чем перейти к оценке паулинизма, стоит отметить, что апостольский собор и его решения, «Апостольский декрет», не обладают достаточной источниковедческой базой, сравнимой со свидетельствами самих апостолов

(ссылка). Община, названная «матерью церквей», навсегда остается символом зарождения вселенской миссии для христианства и ярко выраженным примером эллинизации для иудаизма. Разумеется, это не единственный аспект религиозных мутаций поздней античности, взаимосвязанный с другими социополитическими процессами палестинской территории¹¹.

3. Антропология (и) откровения. Нарратив сопринадлежности

Паулинизм как принцип и духовное явление связан как с географией путешествий Павла, так и с возникающими в результате письмами-посланиями. Само Послание к Галатам, свидетельствующее о столь важной для апостола смене национально-религиозной идентичности, датируется примерно 55 г., то есть остается одним из ранних, написанных вскоре после апостольского собора. Символично, что это единственное аутентичное послание, названное не по географическому, а по «национальному» признаку, более того — исследователи спорят о том, где точно жили галаты и как предположительно кельтское племя оказалось в фокусе внимания апостола и даже стало частью христианских общин. Эта необычность и неопределенность как будто символически созвучна с отходом от национальной идентичности самого Павла. Послание представляет собой лаконичное, целостное сообщение, в котором можно подчеркнуть ключевую тему — свободу в христианском смысле слова от (иудейского) закона (*Гал.* 5:1–6:10), оправдание принадлежности язычников к народу божьему.

Идея свободы, ставшая практически манифестом в новой становящейся религии¹², отличается от позднеантичных или древнегреческих представлений о свободе, которые существовали тогда в этических школах эллинизма. Это не свобода от жребия судьбы, не какая-либо философская идея, возвышающая дух через праксис самопознания, не мистическое восхождение к более истинному смыслу. Это свобода, данная через сопринадлежность, любовь

¹¹ Stroumsa 2012: 31–33.

¹² Dunn 1998: 328–330.

к Христу (Гал. 3:28) и как следствие — к ближнему (Гал. 5:13). Вера в Иисуса Христа, по убеждению Павла, освобождает христиан от этнической и любой другой принадлежности, дает второе рождение (Гал. 4:19, 5:6). И хотя призыв к свободе одновременно дается апостолом с предостережением по поводу «угождению плоти», снижение роли закона очевидно. Более глубокое осмысление закона будет дано Павлом в Послании к Римлянам. Продолжение Апостольского декрета в антиохийском споре и результаты спора окончательно завершили дискуссию о принятии язычников, что привнесло в деятельность и послания Павла еще более яркий элемент возможности действовать «по откровению», а не по велению какого-либо закона. В философском осмыслении эта автономия будет на долгие годы определять характер Павла, его приверженность к личностной сопринадлежности, к «любви» в качестве закона, к антропологии универсализма, безграничного в своих дальнейших интерпретациях¹³.

Что же можно сказать о пророчестве как об источнике особого настроения и радикального поворота к принципиально новому характеру духовного равенства? Прежде всего, следует признать, что и эсхатология, и апокалиптика в период основания Сионской церкви и ее существования до апостольского собора были унаследованы из иудейской традиции, а в деятельности Павла постепенно угасали, сменившись христоцентричной интерпретацией пророчеств и антропологическим прочтением несбывшихся эсхатологических ожиданий. Современные комментаторы подчеркивают проблему происхождения эсхатологии Павла, и в некоторых оценках снимается различие между иудейскими и эллинистическими категориями, подчеркивается сходство между обеими традициями в контексте первых веков. В частности, в работах М. Пича, резюмирующих В.Д. Дэвиса и Г.М. Ширса¹⁴ и включающих в себя изучение раввинистического иудаизма Палестины времен Павла и оценку ассимиляции апокалиптики в образова-

¹³ Бадью 1999: 11–12, 74–76.

¹⁴ Peach 2016: 23–25, 27–29.

тельных традициях. Само сопоставление палестинского иудаизма и иудаизма диаспоры помещает вопрос об эсхатологии Павла в контекст развития апокалиптических учений как таковых. Именно в рамках этого направления, которое остается в библеистике и в последние десятилетия, правомерно сравнение учения Павла с доктринами Кумранских общин. В частности, это подчеркивает В.Д. Дэвис в монографии «Павел и раввинистический иудаизм»¹⁵. Хорошо зная палестинскую диаспору, Павел хорошо знал и интеллектуальную атмосферу Иерусалима. Кроме того, Дэвис критикует мнение С.Дж. Мантефьере о глубоком различии между палестинским иудаизмом и иудаизмом диаспоры, демонстрируя позицию, получившую широкое признание в исследованиях последних десятилетий — это различие не так уж глубоко¹⁶.

Эллинизация привносит еще более антропоморфный характер в эсхатологическое ожидание, отсрочив парусию на неопределенный срок, но наделив презентистским экзистенциальным переживанием. Эсхатология Павла, выраженная уже достаточно четко в Первом Послании к Фессалоникийцам (*Фес.* 4:13–16, 5:1–11), излагается и в обоих Посланиях к Коринфянам (1 *Кор.* 15:20–23, 6:14; 2 *Кор.* 4:14, 5:1). Ожидание и сам рассказ о нем повторяет стиль иудейского мессианства, но ставится в контекст личностной готовности к встрече, посюсторонней, подражающей Христу, но обращенной к членам общины. В особом новом смысле любви и веры теряется общеисторический, и в этом смысле почти теряется религиозный характер эсхатологического ожидания, акцент перемещается во внутренний мир человека. На смену мифологическому эпическому нарративу о будущем приходит этика со-присутствия и со-причастности, на смену идее народа, «мы» приходит редуцированная пропозиция «я-ты». Рассказ о будущем сменяется рассказом о надежде в настоящем. Сам стиль от первого лица, характерный для взываний Павла к собеседникам в общине, повелительное наклонение, пожелания и модальности

¹⁵ Davis 1955.

¹⁶ Davis 1955: 6–7.

переносят акценты повествования на автора, отличаясь от обычного для эпосов способа повествования¹⁷. Идея освобождения мира после прихода Машиаха сменяется манифестом освобождения общины от «ветхого» закона религии. Не случайно А. Бадью считал Павла прежде всего философом (и не-философом), ведь нет ничего более человеческого, чем замыкание всемирной истории на личностной сопринадлежности кому-либо в любви и с надеждой и верой в лучшее. Раз уже обещанный приход Мессии не состоялся в общине, созданной именно для этого. Подводя итоги, стоит отметить, что самостоятельность и автономия Павла, так широко оцененная впоследствии не только в христианстве, но и в политической философии, действительно дает основание для подобных выводов. Апокалиптика становится нарративом человеческого «я», будучи основанной на освобождении от закона, провозглашаемой как спасение для всех, кто примет эту веру. Период Сионской церкви остается последним периодом, где мессианство приобретает черты подражания богочеловеческому, обрета языческое как экзистенциальное измерение, навеки оставшись в борьбе с личностным.

¹⁷ Frankfurter 2017: 98–100.

Литература

- Айзенштадт, Ш. (2004), *Пророки. Их эпоха и социальное учение*. Пер. Т. Гвоздюкевич. М.: Параллели.
- Бадью, А. (1999), *Апостол Павел. Обоснование универсализма*. Пер. О. Головой. М.; СПб.: МФФ.
- Литвин, Т. (2015), «Парусия» в Первом Послании к Фессалоникийцам Апостола Павла. О непереводаемости некоторых эсхатологических терминов», *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение* 6 (62): 9–22.
- Лозе, Э. (2010), *Павел. Биография*. Пер. А. Петровой. М.: ББИ.
- Рижский, М. (1987), *Библейские пророки и библейские пророчества*. М.: Политиздат.
- Ролофф, Ю. (2011), *Введение в Новый Завет*. Пер. В. Витковского. М.: ББИ.
- Тантлевский, И.; Литвин, Т. (2018), «Мессиянско-эсхатологические ожидания, отраженные в кумранских рукописях и в ранних посланиях апостола Павла», *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 19.3: 193–217.
- Davies, W.D. (1955), *Paul and Rabbinic Judaism. Some Rabbinic Elements in Pauline Theology*. London: S.P.C.K. Publishing.
- Dunn, J.D.G. (1998), *The Theology of Paul the Apostle*. Grand Rapids: Eerdmans.
- Frankfurter, D. (1996), «The Legacy of Jewish Apocalypses in Early Christianity: Regional Trajectories», in J.C. VanderKam and W. Adler (eds.), *The Jewish Apocalyptic Heritage in Early Christianity*, 129–200. Assen: Van Gorcum; Mineapolis: Fortress Press.
- Frankfurter, D. (2017), «Narratives That Do Things», in S.I. Johnston (ed.), *Religion: Narrating Religion*, 95–106. Farmington Hills, MI: Macmillan.
- Peach M.E. (2016), *Paul and the Apocalyptic Triumph: An Investigation of the Usage of Jewish and Greco-Roman Imagery in 1 Thess. 4:13–18*. Peter Lang Publishing Inc.
- Stroumsa, G. (2012), *The End of Sacrifice: Religious Transformations in Late Antiquity*. University of Chicago Press.
- Swete, H.B. (1905), «The Prophets in the Christian Church», *The Biblical World* 26.3: 202–214.